

© 1996 г., ЭО, № 5

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧУЖАЯ ВЕЩЬ В КУЛЬТУРЕ»

Процесс взаимодействия культур, как в форме отношения людей друг к другу, так и в форме различных духовных и вещественных влияний и контактов — тема неисчерпаемая и постоянно актуальная. Бесконечное культурное многообразие живущих и живших на Земле народов, по-видимому, является фактором, необходимым для культурного развития как такового. А само это многообразие может сохраняться только при живом и активном осознании и разграничении культурой «своего» и «чужого».

Вопросам восприятия «чужого», «другого» уделяется в последнее время все больше внимания*.

Этой теме была посвящена конференция «Чужая вещь в культуре», проведенная по инициативе Государственного музея истории религии совместно с Российским этнографическим музеем в С.-Петербурге 31 октября — 2 ноября 1995 г. Конференция явилась непосредственным продолжением дискуссии, начатой в 1994 г. на конференции «Вещь в контексте культуры», организованной также по инициативе ГМИР совместно с Институтом истории материальной культуры**.

Конференция «Чужая вещь в культуре» привлекла внимание религиоведов, археологов, этнографов, историков, искусствоведов. Было представлено 44 доклада, касавшихся различных аспектов темы восприятия культурой импульсов, пришедших извне***. Речь шла не только о материальных, точнее, о материализованных внешних импульсах, как это предполагало название конференции, но и о восприятии инокультурных идей, образов и традиций.

Заявленная тема была рассмотрена на археологическом, этнографическом, историческом материалах, от палеолита до современности. Это помогло еще более ясно увидеть некоторые общие механизмы, управляющие усвоением или отторжением внешних влияний, которые превращают «чужое» в «свое» или же наоборот.

В пределах общей тематики выделился ряд проблем, согласно которым мы поведем наш обзор представленных на конференции докладов.

Вопрос о возможностях и средствах для понимания исследователями чужих культур был затронут в докладах В. А. Арсеньева (С.-Петербург, МАЭ) («„Свое/чужое“: вероятностные ловушки сознания») и Т. Н. Дмитриевой (С.-Петербург, ГМИР) («Свое/чужое»: возможна ли оценка исторической глубины?). В. А. Арсеньев подчеркивает необходимость контроля за «инструментарием» и «технологией» исследовательской процедуры. Выступая против структурно-семиотического подхода с его жесткими противопоставлениями типа бинарных оппозиций, он предлагает учитывать специфику архаического сознания, заключающуюся в преобладании ассоциативного способа отражения и образного типа мышления. Т. Н. Дмитриева подчеркивала значимость осознания «позиции наблюдателя», т. е. осознание того факта, что исследователь пытается осмыслить различные явления чужой для него культуры с помощью сетки понятий, выработанной в культуре, к которой он принадлежит. Докладчица считает, что правильное понимание «чужой» для исследователя культуры возможно только при сочетании двух подходов: взгляда «извне» и взгляда «изнутри» культуры. Оба этих подхода она пытается применить для выяснения степени «мифологичности» ментальности людей позднего палеолита.

* См., например, Одиссей. Человек в истории. М., 1933; Образ «другого» в культуре. М., 1994; Конференция «Образ „другого“» была проведена в марте 1993 г. в Тунисе Арабской социологической ассоциацией. См. В. В. Коротеева, Е. В. Макарова. Образ «другого» // Этногр. обозрение. 1994. № 1.

** См.: Чужая вещь в культуре. Материалы научной конференции. Октябрь—ноябрь 1995 г. СПб., 1995.

*** См.: Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. Февраль 1994 г. СПб., 1994; Дмитриева Т. Н., Хришановский В. А. Конференция «Вещь в контексте культуры» // Кунсткамера. 1994. Т. 4. С. 339—343.

В докладе А. А. М а с л о в а (С.-Петербург, Аничков лицей) «Свое/чужое: возможные пути эволюции взаимоотношений» была сделана попытка проследить развитие взаимоотношений человека и природы (к которым сведено противопоставление своего и чужого) на разных этапах антропогенеза и последующей истории человечества.

Один из интересных аспектов заявленной темы был затронут в докладе К. К. Ч е к о д а н о в о й (С.-Петербург, ГМИР) «Вещь как дар». Докладчица подчеркивает, что чужая, подаренная вещь, особенно если она таким образом внедряется в архаическую культуру, амбивалентна, имеет двойной смысл — она и ценна: несет в себе некую магическую «энергетику», является выражением престижа; она и опасна: тема «фатального дара» является, например, одной из основных в германском фольклоре.

Вопрос о семантике чужой вещи рассматривался в докладе И. В. К а л и н и н о й (С.-Петербург, Гос. Эрмитаж) «К вопросу о семантике адаптации чужеродных предметов в культуре». Докладчица говорила о различных путях проникновения чужеродных предметов в культуру, рассуждала о том, какое значение они при этом приобретают и как меняется это значение в зависимости от исторического развития культуры. Чужая вещь в архаике — это не только вещь, полученная из «очевидного» инокультурного источника путем обмена, дарения и т. п., но и подобранные природные «раритеты», а иногда их искусственные воспроизведения, это и найденные археологические предметы, например, «громовые стрелы». Все подобные предметы занимали, как правило, определенное место в культурной сфере культуры.

Доклады И. А. Т у л ь п е (С.-Петербург, Гос. университет) и В. А. Х р ш а н о в с к о г о (С.-Петербург, ГМИР) «Реликты каменного века на античных некрополях Боспора (по материалам некрополей Илурата и Китея), а также Е. А. и Н. В. М о л е в ы х (Н. Новгород, Гос. университет) «Древности эпохи бронзы в античных городах Боспора» посвящены нетрадиционной интерпретации археологических находок. Так, И. А. Тульпе и В. А. Хршановский считают возможным предположить, что кремневые изделия, встречавшиеся в могилах боспорских некрополей, могли восприниматься как своеобразный медиатор, облегчавший переход умершего из «своего», этого мира, в мир «чужой», иной. Е. А. и Н. В. Молевы обратили внимание на то, что кремневые и бронзовые топоры и секиры доскифского времени в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии и других городах происходят главным образом из святилищ и других сакральных мест. Докладчики считают, что возможно, они использовались в обрядах, связанных с жертвоприношением животных.

Вместе с тем, как показано в докладе Н. В. Молевой и Е. А. Семичевой (Москва, ИА) «Материальные свидетельства культурных взаимовлияний в Китайском святилище», инокультурные элементы (скифские и сарматские) — грубые глиняные горшочки, ритуальные захоронения собак и т. п., найденные среди приношений Деметре, свидетельствуют о близости форм культа греческого и варварского населения Боспора.

Н. Ф. Ф е д о с е е в (Керчь, Историко-культурный гос. заповедник) и В. К. Г о л е н к о (Москва, ИА) в докладе «Персидские артефакты в историко-культурном контексте Боспорского государства» говорили о том, что влияние Персии на формирование специфики боспорской культуры, было, по мнению докладчиков, более сильным, чем это обычно принято считать. Ф. Р. Б а л о н о в (С.-Петербург, РГНФ) («Свой» артефакт среди «чужих», «чужой» среди «своих») и В. А. К и с е л ь (С.-Петербург, МАЭ) («Ювелирные изделия Ближнего Востока в ранних скифских курганах») независимо друг от друга, но практически на одном и том же археологическом материале скифской торевтики попытались систематизировать и обобщить признаки, по которым археологи могут квалифицировать вещь как «свою» или «чужую» в данной культуре.

Примерам особенностей процесса заимствования и усвоения инокультурных элементов на археологическом материале были посвящены доклады С. А. Д е м е щ е н к о (С.-Петербург, Гос. Эрмитаж) «Искусство палеолита и „чужая вещь“ в культуре» и О. А. К о н д р а т ь е в о й (С.-Петербург, РЭМ) «Древняя Русь: гребни эпохи викингов (из истории средневекового косторезного ремесла). И если для эпохи древнерусского средневековья второй докладчик смог довольно подробно проследить весь процесс внедрения и усвоения восточными славянами западно-европейских гребней, поскольку материальная культура этого времени богата, разнообразна и хорошо исследована, то С. А. Демещенко на материале искусства позднего палеолита смогла только предположительно указать на элементы, сходные в современных и разнокультурных памятниках, которые лишь иногда, и то с определенной долей вероятности, можно считать результатом заимствований или влияний. Все дело в степени археологической «представленности» и изученности тех или иных эпох и свойственных им культурных остатков.

И если на археологическом материале мы можем (с разной степенью достоверности) проследить внешние параметры культурных контактов, объективированные в материальных остатках, то живой и

непосредственно наблюдаемый этнографический материал дает возможность проследить этот же процесс также и «изнутри» изучаемой культуры. Этнографические и историко-культурные данные позволяют не только более глубоко вскрыть механизм внедрения и усвоения инокультурной, «чужой», вещи, идеи, образа, традиции, но и изучить изменение их функции, значения и смысла.

В этом плане археологический и этнографический взгляд на проблематику «своего/чужого» как бы опосредует, «медирует» доклад Е. Г. Федоровой (С.-Петербург, МАЭ) «Орнамент как признак „своей“ и „чужой“ вещи». Как указывает докладчик, орнамент является одним из наиболее ярких признаков, характеризующих ту или иную этническую (археологическую) культуру. На материалах этнографии оседлого и полуседлого населения, живущего по берегам больших рек (Обь, Амур), где орнаментальные системы чрезвычайно разработаны: выделяются несколько уровней сходства орнамента: историко-культурные общности, этносы, локальные группы. Однако причины, объясняющие механизм распространения орнамента, практически не изучены. При этом известно, что, с одной стороны, для самих носителей культуры орнамент также служил маркером «нашего» и «чужого», а с другой — что орнаментированием вещей занимались преимущественно женщины, которые при замужестве переходили в «чужой» дом мужа. При таких условиях женщины должны были, видимо, следовать определенным правилам и ограничениям в исполнении известных им узоров орнамента. В противном случае орнамент не смог бы выступать в качестве этнического маркера и растворился бы среди населения значительной территории.

Выяснению значения в русской крестьянской культуре изображений льва — зверя, не характерного для животного мира России — был посвящен доклад Д. А. Баранова и А. Б. Островского (С.-Петербург, РЭМ) «Львы в русской культуре». На основе структурно-семиотического изучения функций, выполняемых львом в различных изобразительных композициях, докладчики приходят к выводу, что лев служит обычно оберегом некоего вместилища, которому может грозить опасность при движении в неизведанное и/или от водной стихии.

Некоторые докладчики рассматривали процесс включения и адаптации «чужого» в священную область мифологии и ритуала. Очень интересен доклад Т. Г. Шубной (С.-Петербург, ГМИР) «Об одном техническом усовершенствовании в области народного ткачества восточных славян», в котором она показывает, что усовершенствованный в связи с зарождением в XVII в. в России мануфактурного производства ткацкий станок, постепенно внедрившийся в крестьянский быт, принял на себя весь комплекс мифологических представлений и верований, связанных и с процессом изготовления ткани, и с самим техническим приспособлением для этого процесса.

Не менее интересен пример, освещенный в докладе Е. С. Соболевой (С.-Петербург, МАЭ) «Португальское знамя в Тиморской культуре». В ритуально-мифологическую сферу культуры мамбаев оказалось адаптированным португальское знамя, занявшее там органичное место и получившее местное мифологическое обоснование. Докладчица предполагает, что легкость, с которой португальское знамя вошло в местную культуру, объясняется динамичностью духовной культуры тиморцев, а также тем ритуальным значением, которое вообще имеет ткань для индонезийцев.

Предметам русского происхождения в культуре коренных сибирских народов, был посвящен доклад Т. В. Жеребиной (С.-Петербург, ГМИР) «Русская привозная вещь в культурной системе народов Сибири». Докладчица рассказала об истории торговых контактов русских с сибиряками, которые начались до активной христианизации этих народов и, видимо, поэтому вначале касались только хозяйственной сферы. Когда же началась христианская экспансия в Сибирь, то предметы православного культа и персонажи христианской священной истории заняли определенное место в шаманских представлениях и практике.

О процессах инокультурного (мусульманского) заимствования зороастрийцами элементов погребальной обрядности говорилось в докладе В. Ю. Крюковой (С.-Петербург, ГМИР) «Саван у зороастрийцев». Обычай заворачивать покойника в саван широко распространен ныне в среде иранских зороастрийцев, что произошло под давлением ислама, хотя погребальные одежды по существу глубоко чужды зороастрийской религии.

На конференции были представлены также доклады, в которых раскрывались закономерности и характер различных сторон процесса заимствования и адаптации инокультурных элементов. Так, в докладе И. В. Богословской (С.-Петербург, МАЭ) «Иноэтнические влияния в одежде курдов и афганцев XX в.» основное внимание было уделено зависимости характера и степени заимствования элементов чужой культуры от характера самих культурных контактов: мирное проникновение или насильственное насаждение.

Н. Г. Краснодембская (С.-Петербург, МАЭ) в докладе «Европейские предметы бытового

обихода в культурном осмыслении сингалов (Шри-Ланка)» показала, как широкомасштабное внедрение иноэтнических предметов в бытовую культуру сингалов подчеркивает для исследователя-европейца специфические особенности их собственной культуры. Заимствованные элементы изменяются и используются согласно структуре, традициям и нормам культуры-реципиента.

А. А. Д у б р о в и н а и Р. Я. Р а с с у д о в а (С.-Петербург, МАЭ) в докладе «Новое в традиционной культуре среднеазиатских земледельцев XIX—XX вв.» показали, что процесс проникновения и усвоения инокультурных элементов у этих народов имеет глубокую историю и шел постоянно, причем сам механизм его оставался неизменным.

Л. Л. В и к т о р о в а (С.-Петербург, МАЭ) в докладе «Мир вещей в культуре монгольских народов» обратила внимание на то, что проникновение инноваций в культуру монгольских народов проходило с помощью замены отдельных элементов при сохранении общей структуры традиционного образа жизни. Если «чужие вещи» — предметы обихода, новые материалы, ткани и проч.— оказывались способными выполнять в быту традиционные функции, они приживались, становились «своими». Сходные черты процесса внедрения и усвоения чужого культурного элемента (фитильное ружье), подчеркнуты также в докладе М. А. Р о д и н о в а (С.-Петербург, МАЭ) «Бу фатила — чужое, ставшее своим»: заимствование идет по линии замены элемента, выполняющего ту же функцию, что и вытесненный: функция вещи в культуре устойчивее самой вещи.

Очень интересные стороны процесса усвоения инокультурной «вещи» — явления, традиции, технологии — были подмечены в докладах С. А. М а р е т и н о й (С.-Петербург, МАЭ) «Рикша в Индии» и М. Л. М е н ь ш и к о в о й (С.-Петербург, Гос. Эрмитаж) «Перегородчатая эмаль в Китае — „изделия страны дьявола“». И рикша в Индии, и перегородчатая эмаль в Китае — явления заимствованные, пришлые. Но они настолько органически вжились, укоренились в системе культуры-реципиента, что стали восприниматься как неотъемлемая характеристика этой новой для них культуры.

Процессы усвоения иноэтнических заимствований были рассмотрены также в докладах Н. В. Е р м о л о в о й (С.-Петербург, МАЭ) «Об условности понятий „свое“ и „чужое“ в культуре этноса (на примере эвенков)» и Ю. А. К у п н о й (С.-Петербург, МАЭ) «Превращение „чужого“ в „свое“ (по материалам табакокурения у народов Сибири)».

Еще один проблемный блок составили доклады, в которых рассматривались особенности соотношения присущих данной культуре религиозных идей, смыслов, традиций и проч. и того стилистического воплощения их объективаций, овеществлений, которое они приобретают в чужой или исторически изменившейся с течением времени культурной среде.

Этой проблеме был посвящен доклад Т. М. Г е л ь ф м а н (С.-Петербург, ГМИР) «Хранилище для благоволий и обряд гавдалы в иудейском культе». Чем могут быть обусловлены стиль и форма ритуального предмета, если принять во внимание тот факт, что именно еврейские культовые традиции стремились к самосохранению путем неприятия, отторжения «чужого закона» («... по уставам их не ходите»?) Оказывается, что несмотря на это, внешняя форма ритуального предмета может заимствоваться из окружающей, даже христианской, культурной среды.

Другой аспект этой проблемы рассмотрен в докладе М. С. С т е ц к е в и ч а (С.-Петербург, ГМИР) «Опозиция „свой/чужой“ и архитектурная эволюция викторианской Англии». В нем говорится о сложности и противоречивости соотношения религиозной идеи и архитектурного стиля, выбираемого для ее выражения.

Проблемы соотношения внешнего выражения культурного содержания рассматриваются в несколько ином аспекте в докладе В. Г. И в а н о в а (С.-Петербург, ГМИР) «Отрицательный опыт культурного моделирования А. С. Хомякова». Докладчик показал, к чему может привести намеренное, искусственное культурное моделирование, основанное на теоретических представлениях славянофильства о специфике русской культуры: борьба за самобытность, не считающаяся с реальными запросами культурной среды, приводит к тому, что предлагавшиеся славянофильством модели русской национальной одежды оказываются нежизнеспособными, а провозглашенные им принципы русской художественной школы — односторонними.

О значении стилистического «чутья», стилистической «уместности» для гармоничного вхождения иноконфессиональных храмов в архитектурную среду Петербурга говорилось в докладах О. В. Г о р о в о й (С.-Петербург, ГМИР): «Буддийский храм в Петербурге» и Т. А. С т е ц к е в и ч (С.-Петербург, ГМИР): «Петербургская соборная мечеть как памятник архитектуры». И буддийский храм, и мечеть, воспринимавшиеся верующими как подлинные храмы их религий, стали неотъемлемыми частями именно петербургского архитектурного ландшафта. Это, по мнению докладчиков, произошло благодаря удачному творческому переосмыслению образов этих храмов через стиль «модерн», а также благодаря

особенностям самого этого стиля, мастера которого «преобразуют любой прототип в аутентичный вновь создаваемый оригинал».

На конференции был прочитан также ряд интересных докладов, посвященных описанию конкретных примеров инокультурных явлений, вещей и традиций.

Итак, на конференцию представлены доклады, помогающие понять механизм внедрения «чужой вещи» в культуру архаических и традиционных обществ и ее усвоения.

Несмотря на отсутствие по многим вопросам однозначных решений, хочется верить, что само обсуждение (с разных точек зрения и на разном культурном материале) проблем взаимоотношения культур может принести известную пользу.

Т. Н. Дмитриева

© 1996 г., ЭО, № 5

СЕДЬМАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ ПОВОЛЖЬЯ

В г. Волгограде с 26 по 28 сентября 1995 г. прошла Всероссийская VII конференция по ономастике Поволжья. Устроители конференции — Российская Академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Министерство образования РФ, Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоградское отделение Российского фонда культуры.

Как известно, первая конференция по ономастике Поволжья состоялась в 1967 г. в г. Ульяновске, вторая — в 1969 г. в г. Горьком (ныне — Нижний Новгород), третья — в г. Уфе в 1971 г., четвертая — в 1973 г. в г. Пенза, пятая — в 1974 г. в г. Саранске. Основателем и организатором этих конференций был замечательный советский, русский ученый Владимир Андреевич Никонов (1904—1988).

В 1987 г. во время летнего путешествия по Волге В. А. Никонов посетил Волгоград. Здесь, в Волгоградском государственном педагогическом институте им. А. А. Серафимовича (ныне — Волгоградский государственный педагогический университет) он договорился с проф. Л. М. Орловым и проф. В. И. Супруном о возможности проведения в Волгограде шестой конференции по ономастике Поволжья.

Как вспоминает В. И. Супрун, В. А. Никонов сразу же включился в организационные дела, набросал первичный план работы. Этот предварительный план он изложил в письме к В. И. Супруну. Письмо прекрасно передает не только эпистолярный стиль В. А. Никонова, говорит о его организаторских способностях, но и характеризует само время, эпоху. Думается, что это письмо займет свое достойное место в истории Поволжских конференций по ономастике. Мы цитируем его полностью по публикации В. И. Супруна.

«Волгоград

1.VII.1987 г. н. э.

Глубокоуважаемый Василий Иванович!

Большое спасибо Вам за поддержку конференции. Соответствующее обращение областному руководству пошлем — от директора Ин-та этнографии Ака. наук СССР академика Ю. В. Бромлея.

Срок — по усмотрению хозяев поля, то есть Вас.

Председателей — 2: местный (Вы) и москвич (я, если доживу). Так и состав оргкомитета — местный и внешний (Москва, Поволжье). Оба руководителя полностью равноправны, с правом вето, без обсуждения отклоняют темы или докладчиков и т. д.

Во всех хоз. делах только местные хозяева, не вмешиваюсь. А научное руководство — ответственность Ин-та этнографии.

Маловато Вы предлагаете приезжих. Используя студенческие общежития, нельзя ли довести до 70? (хотя бы). А своих — сколько хотите! Раз отодвинуть срок, может быть, — на осень 1989 (или 1990 даже), чтобы я прочел в Вашем ин-те спецкурс ономастики (я все